

Ленинградская
"Правда" 22 июля 1968

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

«ЧТОБЫ ЧИТАЛИ И ДЕТИ, И ВЗРОСЛЫЕ...»

В ОДНОМ из июльских номеров «Пионерской правды» была напечатана статья ленинградского писателя Л. Пантелеева «Хуже трусости». Собственно, даже и не статья, а обзор детских писем, которые пришли в редакцию в ответ на вопрос писателя: «Что вы знаете хуже трусости?». Письма ребят были разнообразными: дружно осуждая трусость как самый большой порок, они, однако, разошлись в определении самого этого понятия: для одних трусость тождественна отсутствию храбрости, для других трусость, даже «хуже трусости» — отсутствие какой-либо совести, как написала одна школьница. Комментируя и разбирая ребячьи письма, Л. Пантелеев так завершает свою небольшую статью: «Должен признаться, что эти слова чимкентской школьницы меня пронзили... Что толку в смелости, в бесстрашии, в беззаветной храбрости, если за ними не стоит совесть?! Ради чего проявляется храбрость? Вот главное!».

Не случайно рассказ о писателе Л. Пантелееве (Алексее Ивановиче Еремееве) начинаешь с этой, казалось бы, небольшой, проходной, повседневной статьи. В ней открыто, «прямым текстом», писатель сформулировал то, на наш взгляд, главное, что определяет все его произведения, будь то сказка на две странички для дошкольников или сугубо «взрослые» воспоминания. Нравственный максимализм — это основное требование, которое предъявляет Л. Пантелеев своим героям, это главная мера, которой поверяет он своих героев, взрослых и маленьких, реально существующих и созданных авторской фантазией. Может быть, нравственный максимализм, неотъемлемой чертой которого является повышенная требовательность к себе, к тому, что создаешь, определил и то, что писатель за свой более чем сорокалетний творческий путь напечатал сравнительно небольшое количество книг.

ВСТУПЛЕНИЕ в литературу было ярким. О «Республике Шкид» — повести молодых авторов Г. Белых и Л. Пантелеева заговорили. Книга вызвала много отзывать. Но первое упоминание о нем в печати, как шуточно вспоминает Алексей Иванович, было значительно раньше: как-то, еще будучи воспитанником школы имени Достоевского, он послал в «Петроградскую правду» шесть четверостиший, озаглавленных «Злободневные частушки». В то время в газете в разделе «Почтовый ящик» печатались отзывы начинающим, и вскоре юный автор увидел в газете свое имя и ответ: «Присланные Вами «злободневные частушки» — не частушки, а стишки Вашего собственного сочинения. Не пойдет».

Это, конечно, курьезный случай, о котором можно было бы и не вспоминать, но он характерен для жизни Шкиды: среди ее воспитанников интерес к литературе, к книгоиздательству был необычайно велик: в школе выходило до 60 газет и журналов, ежедневная газета в двух выпусках, дневном и вечернем, их издателями и авторами были Г. Белых и Л. Пантелеев. В статьях и заметках откровенно высказывались наблюдения, вырабатывался стиль. Это был уже путь к первой книге, хотя решение писать «Королевство Шкид» (так вначале называлась повесть), как рассказывает Алексей Иванович, пришло внезапно.

Книгу писали главами, честно поделив по 16 глав каждому и, наконец, несли в Ленинградский отдел народного образования З. И. Лилиной, от которой рукопись попала к Маршаку, возглавлявшему в то время отдел детской литературы Дома книги. Маршак переслал рукопись на отзыв Горькому. Редактором был Евгений Шварц.

У колыбели будущей книги стояли неравнодушные люди. Люди, чуткие к чужому таланту. Люди, любящие литературу. Это определило судьбу книги. Это определило и судьбу юных авторов, которым не было и 20 лет: они остались в литературе.

Резонанс у «Республики Шкид»

изнутри — все эти бесспорные достоинства книги сделали ее таким заметным явлением в литературной жизни 20-х годов. Об этом же свидетельствует и переписка М. Горького тех лет. Во многих письмах его встречается упоминание об «удивительных ребятах, сумевших написать преогромную книгу, живую, веселую, жуткую».

Но книга интересна нам не только точным бытописанием времени — в ней начинаются и поиски своего главного героя — героя, который пройдет длинный и трудный путь к нравственному духовному возрождению.

Как соавторы Г. Белых и Л. Пантелеев больше не выступали, но каждый из них стал профессиональным писателем.

САМУИЛ Яковлевич Маршак, сыгравший огромную роль в литературной судьбе Л. Пантелеева, определил и его решение остаться в детской литературе. Детский писатель — понятие в высшей степени условное. Марк Твен, писавший о детях, Фенимор Купер, Александр Дюма, Жюль Верн, писавшие для взрослых, Александр Пушкин, писавший сказки, Юрий Тынянов, писавший жизнеописания Грибоедова и Пушкина, которых изучают в школе... Кто они, взрослые или детские писатели?

Сам Алексей Иванович отвечает на этот вопрос очень простой, но, видимо, всеобъемлющей формулой: «Идеал детского писателя, чтобы его читали и дети, и взрослые».

Думается, эти слова можно по праву отнести к самому Л. Пантелееву. Дети следят за острым, быстро раскрывающимся сюжетом «Пакета», «Часов», «Ночки», делают сопричастными событиями и времени, взрослые за сюжетом усматривают высокое мастерство художника, удивительную чуткость к слову, точность единственно нужной детали.

Взыскательность к слову, необыкновенная для совсем молодого писателя, каким был тогда Л. Пантелеев, отличает первую же его самостоятельную повесть — «Часы». Это была зрелая книга зрелого писателя, нашедшего свой стиль, свой собственный путь в литературе. Излюбленным для писателя отныне станет метод литературной маски, причем не раз и навсегда установленной, как это было со знаменитым Козьмодемьянским, а меняющейся с каждым рассказом, с каждым героем.

«Часы» — это повесть о беспризорнике Петьке Валете, о том, как бывший вор становится честным человеком. Повесть рассказана не самим героем, но как бы человеком, находящимся приблизительно в таком же положении, как и Петька, и безусловно сочувствующим и страдающим ему.

Позднее писатель вспоминал, как Н. А. Заболоцкий заметил ему, что повесть написана гекзаметром. «С Петькой Валетом случай вышел. Гулял Петька раз по базару и разные мысли думал, и было Петьке обидно и грустно — шамать хотелось и не было денег шамовки купить...». Действительно, приведенное выше начало повести написано в размере классического гомеровского стиха.

Надо сказать, что писатель не задавался целью писать модной тогда ритмической прозой (как, кстати, был написан первоначальный вариант главы «Ленька Пантелеев» в «Республике Шкид»). Тем более не предполагал писатель, повествуя о злоключениях беспризорника, воспользоваться гекзаметром. Здесь сказалось то, что впоследствии делается стилистическим принципом писателя — «поэтическое, музыкальное отношение к слову».

В таком же ключе написан и знаменитый «Пакет».

В начале 30-х годов Самуил Яковлевич Маршак задумал издавать серию детских альманахов, первый из которых был посвящен героям. Небольшой очерк о героях гражданской войны поручили написать Л. Пантелееву. Очерка не получилось. В альманахе появился рассказ,

ставший теперь классикой детской литературы, — «Пакет».

«Пакет» написан в той же сказовой манере, что и «Часы». Но выбор героя — рассказчика (повествование ведется в первом лице) принципиально иной. Может быть, именно это красноармейца Трофимова началось плеяда пантелеевских героев, для которых нравственный максимализм определяет все поступки, всю жизнь. Через несколько лет Л. Пантелеев напишет совсем маленький рассказ «Честное слово» — о мальчишке, который играл в часового и дал слово не уходить с поста. О мальчишке забыли. Ребята давно ушли. Мальчик стоял в темном саду и плакал, но не уходил. Он мог бы уйти, но он дал слово. Он мог бы его нарушить. Но как ему потом жить с этим?

В КОНЦЕ 30-х годов Л. Пантелеев обращается к детям самого младшего возраста (писатель был членом редколлегии журнала для дошкольников «Чиж»). В это время выходит его цикл «О Белочке и Тамиарочке», рассказы «Трус» и «Буква ты», сказки. Прелесть этих вещей в безошибочно точном проникновении в мир детской души, уважительном отношении к этому очень сложному и прихотливому и далекому не перед каждым открывающемуся миру. Здесь нет хрестоматийно хороших мальчиков и девочек, которых ставят в пример мамы и папы своим непослушным детям. Скорее, это даже те самые непослушные дети, которым следует ставить в пример неких великодушных девочек и не менее великолепных мальчиков.

Все дело в том, что писатель очень незаметно и не навязчиво направляет своих маленьких читателей, учит их основным нравственным понятиям: доброте, честности, бескомпромиссности — с этим жить его героям.

И они так и живут, исповедуя эти моральные принципы, которые помогают им устоять и не сломиться в самые тяжелые дни. Поразительно по силе духа маленькие герои военного цикла — Маринка, Долорес из одноименных рассказов, Володя из блокадного цикла «Живые памятники».

Во время войны Л. Пантелеев был в блокированном Ленинграде. В 1942 году ушел добровольцем на фронт. Был сапером, работал во фронтовой печати.

Уже после войны он пишет, а вернее в корне перерабатывает (первый вариант работы относится еще к 1938 году) повесть «Ленька Пантелеев».

Разумеется, нельзя отождествлять писателя с его героем — Ленькой Пантелеевым. Несмотря на то, что повесть автобиографична, ее главный персонаж — не автор, это собирательный обобщенный герой времени, эпохи первой мировой и гражданской войн, это предистория и путь Леньки в Шкиду.

Обстановка, атмосфера, характеры времени даны, как всегда у Л. Пантелеева, психологически точно, осязаемо, зримо. Плотная живопись литературной ткани, выверенная на слух музыкальность фразы — эти стилистические принципы писатель остается верен и через много лет после первой повести. Но литературный прием уже иной: нет намека на сказовость, на литературную маску — рассказ ведет автор, он направляет своего героя и судит по своим самым строгим нравственным законам.

СУДЬБА сталкивала Л. Пантелеева со многими значительными людьми нашего времени. О некоторых из них он написал воспоминания. То, что и как вспоминает писатель, иногда более говорит о нем самом, нежели о тех, о ком он пишет. Л. Пантелеев рассказал о Горьком, Маршаке, Тырсе, Евгении Шварце.

В воспоминаниях Л. Пантелеева проходят люди, чей вклад в русскую культуру неизмерим, проходят люди, милые и славные, симпатичные и обаятельные, со слабостями и ошибками, но бескомпромиссно преданные делу русской литературы, русского искусства.

У Алексея Ивановича обширная переписка, многочисленные читатели спрашивают о судьбе героев, о дальнейших замыслах писателя. Не так давно «Пионерская правда» обратилась к детским писателям с анкетой, в которой был такой вопрос: «Какую из Ваших книг читатели чаще всего просят продолжить?». Л. Пантелеев ответил, что чаще всего просят продолжить «Республику Шкид». И хотя писатель не любит говорить о своих планах, он признался, что в настоящее время работает именно над этой книгой.

Е. ХОЛШЕВНИКОВА